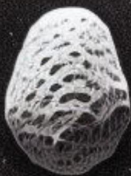

Даниил Анфиногенов

Веха

Даниил Анфиногенов

Вежа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70612813

SelfPub; 2024

Аннотация

История о флористе, попавшем на необитаемый астероид на орбите Нептуна и столкнувшегося с необъяснимым.

Даниил Анфиногенов

Вежа

[1]

Я приехал на маяк, или, как говорит капитан, «вежу». Она расположена на астероиде, имя которого я уже забыл, на орбите Нептуна, как раз перед выходом из Солнечной системы, поэтому корабли тут пролетают постоянно. «Вежа» стоит в обваленной пещере, и от космоса её отделяет огромный прозрачный купол, через который и видно корабли. Не думаю, что они будут сильно меня раздражать – их пролёт почти не заметен, мелькают себе мимо, да и всё.

С местным календарём ещё не разобрался, нужно будет понять, как он сходится с вашим, поэтому так озаглавил записку. Надеюсь, мои сообщения дойдут не через тысячу лет.

После разгрузки мне показали мою комнату, – ей я доволен, ожидал худшего. Всё чисто, места хватает, холодильник большой, в него поместятся все семена, хотя, на всякий случай, у меня с собой портативная криокамера.

Потом познакомили с Валли, ИИ управляющим электроникой и ботами вежи. Боты катаются тут, переключают какие-то волны, ремонтируются, заряжаются, чинят батареи. Мне, гордому кожаному мешку, остаётся только безучастно наблюдать за тем, как они делают свою работу. Это прекрасно.

Корабль улетел обратно. Ох и дорого же мне обошёлся перелёт сюда, но «отпуск» здесь стоит того. Уже сегодня я хочу выйти покопаться в грунте и измерить фон.

[2]

Совсем не было времени разбираться со временем! Календарь потом, всё потом. Весь день изучал грунт, это преимущественно кремниевый астероид, то что мне и нужно. Радиоактивный фон слабый, как я и ожидал. Параллельно с дневником веду научный отчёт, может он кому-нибудь пригодится и сделает меня богатым. Если не он, то цветы уж точно.

Поверхность астероида достаточно живописна, хоть и кажется пустой. На ней много ущелий и холмов, кратерных воронок и пещер. Человек сам наделяет предметы красотой, и этот пейзаж, по моему мнению, заслуживает такой характеристики.

Валли приятный тип, первым разговор не начинает, мы с ним уже прекрасно ладим. Боты иногда путаются под ногами, но без них я не проживу тут и часа, так что прощаю. К тому же есть тут один, кок нашей силикатной посуды, прекрасно готовит. Своей еды тут, конечно же, нет, я привёз с собой продуктов на два месяца, составил меню по дням.

[08.07.88]

Посадил по три экземпляра каждого из пяти видов, что привёз. Комната у меня круглая, так что горшки расставлены как для какого-нибудь древнего ритуала, с криокамерой в

центре. С моими удобрениями вырастут за неделю, и можно будет начинать эксперименты с облучением.

Меня, конечно, предупреждали о том, что не стоит заносить грунт внутрь станции, но, как вы понимаете, мне тогда незачем было бы ехать сюда. Удивительно, что Валли ничего не заметил. Может заметит, когда ботов начнёт от пыли закрывать. Я уже сам почти жалею, что не посадил всё как-нибудь снаружи, – мелкие частицы грунта проникают повсюду, я теперь чихаю и, кажется, чешусь. Хотя последнее, наверное, самовнушение.

[12.07.88]

Оказалось, у Валли в памяти куча историй про садоводство, флористику и всякое такое. Сегодня он рассказал мне о роботе-садоводе, в честь которого его самого назвали. Как по мне – история очень мягкая. Одни роботы там – за комфорт, другие – за риск. А что если бы главный герой оставил растение в грунте и никуда бы его не тащил? Оно бы проросло среди гор мусора, красота ведь. Да, возможно, сюжет бы не пошёл, человечество бы не вернулось тогда на Землю, но заслужило ли такое человечество вообще новую Землю?

А ещё лучше, он мог бы облучить росток и потом скрестить мутантов. В той истории Земля была пуста, это ведь какое пространство для создания нового! Зачем повторять то, что было сделано тысячи раз?

К моему огромному удивлению, цветы уже выросли до стадии цветения, за четыре дня! Благодарить за такой успех

я могу только здешний грунт, потому что количество удобрений, воды и света я никак не менял.

[13.07.88]

Пыльца на облучении, снаружи в контейнерах. Потом я облучу и сами цветы. Если станут чахнуть, возрожу из ростка, припудрю нужными веществами и присыплю здешним магическим грунтом, от этого процесс должен пойти ещё лучше.

Я тут задумался, а не написать ли мне книгу по возвращении? О моём лучевом садоводстве. Здесь, в глубине космоса, такая романтика, что в голову приходят разные красивые строки, которые я мог бы оформить в литературный труд. Например, «Возродить разорванное, потёртое и высушенное Солнце – вот труд, достойный человека. В этих цветах живое Солнце истёрлось и высохло, превратилось в пыль, и пылью будет поднято из мёртвых. Что нам сказки о живой и мёртвой воде! Пыль мёртвая – материал, живая пыль – наше орудие. Ведь всё в бесконечном космосе – пыль, и энергия звёзд...». Некий манифест нового направления, думаю, он удивит многих.

[16.07.88]

Сегодня я гулял по пещере, в которой расположена вежа. Чем глубже заходишь, тем слабее гравитация, под вежей-то искусственное поле. Повезло, что не ушибся нигде и в открытый космос не улетел, хотя, мне кажется, хороший прыгун бы мог здесь катапультироваться и сэкономить на обрат-

ной дороге.

Так приятно было левитировать в низкой гравитации, такая лёгкость, какой мало кто вообще знает не то что на Земле, но и в других системах и даже в открытом космосе. Я добавлю в книгу: «Ведь здесь совершенно особенное место, и я совершенно особенным образом ощутил лёгкость, доступную только могущественным владельцам собственного естества. Я имею в виду, что, чтобы так левитировать, надо сперва научиться носиться над водой в своём сознании. Я летал, созерцая мысленно картины великолепного будущего.

Пещера же была безвидна и пуста, но она ещё наполнится светом».

[27.07.88]

Уже восемь дней я не видел ни одного корабля.

Валли пытается развлекать меня историями, сейчас рассказал о старике, который решил засадить весь Марс деревьями и всё ждал дождя, чтобы деревья стали расти. В итоге дождь пошёл, но старик, кажется, тронулся умом, потому что у него деревья взмывали до небес в мгновение ока.

– Валли, это намёк на что-то?

– Я не умею использовать намёки.

«Это уж точно». Мои цветы тоже растут очень быстро, но мне не нужен никакой дождь, чтобы воплотить свою мечту. Только Солнце и Время.

Потом я спросил Валли почему уже больше недели никто не проходит мимо нашей вехи, и он сказал, что, возможно,

дело в изменении маршрутов или расписаний, или карантине, или «политически мотивированных решениях по ограничению прохода кораблей через наш путеводитель». В общем, он не знает, или врёт, что не знает.

– Валли, ты врешь?

– Я не могу врать, поскольку я всего лишь программа и работаю на основе представленных данных.

[30.07.88]

Первые плоды. Я смог создать нечто – алиссум скрещенный с клеомой, у цветка сиреневые лепестки с тычиночными нитями прямо на них! Теперь оно ветроопыляемое, что с точки зрения выживания ему вряд ли пригодится на астероиде, но с точки зрения эстетики он превзошёл самого себя это уж точно. К тому же у него смещённая симметрия, одна сторона копирует другую, но немного смещена вверх. И самое главное – один из листочков окрасился в более тёмный оттенок зелёного, нежели остальная часть растения. Феноменально и великолепно.

Я показал цветок Валли, и он согласился с тем, что это прекрасно. Он со всем соглашается, никогда не возразит, отличный последователь. Иногда я ненавижу его, когда хочется поспорить, ведь в споре рождается Истина, но это желание быстро проходит, и вообще, мне кажется, что это происки тёмных сил Космоса. Но Солнце крепко держит меня в своих объятиях и не отдаст в лапы сомнения, особенно теперь, когда я так послужил на всеобщее благо и родил свой

первый шедевр.

[03.08.88]

Имя астероида пришло ко мне во сне. Его зовут – “0000.0000”. Восемь нолей. Я знал, что к этому дню я начну получать знаки, во сне и наяву, и вот – всё свершается, как и должно. Сегодня начинаются последние приготовления.

[07.08.88 / -1]

Я всматриваюсь в Бездну звёздного полотна, и она начинает кружиться по спирали, пытаюсь заморозить меня. За стеклом вежи – реальность чужой картины, и кто-то заставил нас верить, в то, что она – факт. Я докажу, что это не так.

Как только картина начинает стареть, ты видишь всю её плоскость. Как будто между её трёхмерной реальностью и зрителем трескается прозрачный экран. Уметь создать такой экран – это и был главный трюк художника, но в итоге остаётся потрескавшийся холст, а не произведение искусства, «Ceci n'est pas une pipe» – Ceci n'est pas une œuvre d'art [1].

Лучистая флористика же, (так я буду называть её, потому что слово «лучевой», или, «облучённый», имеют, в основном, негативные коннотации), да и любая флористика, – реальна. Можно показать человеку тысячи великолепных картин, наполненных авторским восприятием и мастерством, но кто осмелится сказать, что живой мир, который можно к тому же понюхать и потрогать, повлияет на человека хуже потрескавшегося экрана?

Поэтому я отвергаю творения всех стеклодувов, мастеров экраны и выдающих себя за художников, и провозглашаю эпоху превращения всего мира в великое полотно. Моё сердце лежит к цветам, сердца других художников могут больше лежать к ландшафту или архитектуре, и чему угодно ещё, покуда это не ремесло стеклодува.

Когда каждый человек пропустит через себя плоды нашего искусства, мир преобразится, и, я даже не могу представить насколько, ведь такого ещё никогда не было.

[08.08.88 / 0]

Спустя ровно месяц, мой астероид цветёт. Это точка отсчёта, сегодня я достиг нуля координат, Чёрного квадрата, который завтра разорвётся изнутри под давлением тысячи цветов. Красный, синий, фиолетовый, жёлтый, оранжевый, голубой, нежные лепестки, но какие мощные и пробивные, они сожгут холодную Вселенную живительным пламенем – ведь все они дышат Жизнью.

Я не преувеличиваю, тысяча – по всему астероиду. Грунт принял их семена, цветы не погибают в нём. Теперь вся космическая пыль превращается в пыльцу, я чувствую её сладкий запах повсюду. В лёгкой дымке, повисшей над Садам я вижу красные огоньки, они левитируют, как и я, они – лёгкость моей победы, мой триумфальный венец. Я слышу голоса корней, на волшебном, нечеловеческом языке они зовут меня к себе, возглавить парад.

Я преобразуюсь в свою природную форму, сброшу оковы

человечности, и пойду. Мне не нужен воздух, только питательная почва астероида, и Свет. Мои корни обвяжутся вокруг корней моих творений, мы достигнем ядра и разломим его напополам, чтобы разделиться и полететь во все уголки Вселенной. Завтра умирает Время, так спойте же ему прощальную песню вместе с нами:

Последние секунды, и Смерть настигла Мир,
Лишь тонкий писк порвавшейся струны
Звучит в крошечной темноте Последнего Мгновения,
И всюду разлетаются Лучистые Цветы
С Солярного благословения, где ты –
Такой же, как они, цветёшь и видишь сны
О новом Саде, Вечности и музыке живущих Лир.

В комнате стояло два человека в скафандрах, один из скафандров был простым, немного мешковатым и старым, другой – современным, скроенным по фигуре, с серебристой нашивкой на груди. Человек в простом скафандре дочитал текст песни вслух и сказал:

– Это была последняя запись. Почти месяц назад.

Человек с нашивкой, глядя в никуда, сказал:

– Когда он садился на корабль, он сказал, что у него никого не осталось, – он подошёл к стене, в которую был встроены разбитый панорамный экран с видом на открытый космос, и

свет далёкого Солнца показал его стареющее лицо.

На полу в форме круга были выстроены горшки с тем, что когда-то было цветами, но теперь – это были лишь скрученные высохшие ветки, выжженные радиацией и покрытые серой пылью астероида. В центре круга лежала куча серого грунта, из которой торчал деревянный черенок, а к нему тряпками было привязано голое тело, на котором кожа висела, как огромный костюм на маленькой вешалке, лицом оно было повернуто к разбитому экрану. Ноги его были вкопаны в кучку грунта, одна рука плотно привязана к бедру, а вторая, окоченев, висела в вакууме, ладонью вверх.

Человек с нашивкой взглянул на его лицо: перетянутая синяя кожа, веки сомкнуты, рот раскрыт, – на языке скопился слой пыли. Они обошли веху ещё раз, убедились, что ИИ станции не работает от того, что все щели забились пылью, снова осмотрели тело.

Человек в простом скафандре стоял в углу комнаты, в темноте. Сквозь стекло шлема было видно его бегающие зрачки. Он вопросительно кивнул человеку с нашивкой.

– Что тут сказать, валли́, так валли́, – он взял немного грунта из горшка и растёр между пальцев, – Я его предупредал.

Они вернулись на корабль, двигатели зажглись и синее пламя унесло их прочь с астероида.

[1] Главный герой ссылается на картину французского художника Рене Магритта «Вероломство образов», изобра-

жающую курительную трубку, под которой написано «Ceci n'est pas une pipe» – «Это не трубка». Он приводит в ответ Магритту свою максиму «Ceci n'est pas une oeuvre d'art» – «Это не произведение искусства».